

УДК 821.161.1

**РЕЦЕПЦИЯ ОБРАЗА ПУГАЧЕВА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ
РУССКОГО АВАНГАРДА НАЧАЛА XX ВЕКА**

© 2018 г.

Е.В. Болнова

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

eka332@yandex.ru

Поступила в редакцию 18.11.2017

Объектом исследования являются стихотворные тексты Н. Асеева, В. Хлебникова, а также поэма В. Каменского. Цель работы – выявление особенностей функционирования образа Емельяна Пугачева в художественных текстах начала XX века. Методологические установки, предопределяющие анализ конкретных текстов, соотносятся с культурно-историческим, структурно-типологическим, компаративистским и комплексным подходами. Как показало исследование, уже в XIX веке образ Пугачева прочно встраивается в архетипические модели не только в фольклорных произведениях, что очевидно, но и в текстах художественной литературы. Делается вывод о том, что события, происходившие в России в начале XX века, способствовали тому, что образ Пугачева включился в идеологическую парадигму, призванную показать непрерывность революционного процесса в недрах Российской империи и оправдать ужасы гражданской войны.

Ключевые слова: Емельян Пугачев, «Капитанская дочка», авангард, Н. Асеев, В. Хлебников, В. Каменский.

Интерес к образу Емельяна Пугачева в русской литературе объясняется двумя самоочевидными причинами: стремлением осмыслить механизмы движения национальной истории и вниманием к крайне специфическому для русского менталитета образу, восходящему сразу к нескольким архетипическим моделям: благородного разбойника, бунтаря, трикстера, спящего короля и т. д. Закономерно, что радикальный сдвиг социально-общественной и культурной парадигмы, произошедший в России после Октябрьской революции 1917 года, вызвал необходимость его художественного осмысления, невозможного без встраивания в какую-либо существующую архетипическую модель. Восстание Емельяна Пугачева становится тем историческим материалом – при этом достаточно художественно обработанным, чтобы нести определенную оценочную семантику, который служит базисом для авторской интерпретации событий начала XX века.

Емельян Пугачев в начале XX века воспринимается не столько как историческое лицо, сколько как художественный образ, широко представленный в литературе. Достаточно отметить очерк В.Г. Короленко «Пугачевская легенда на Урале», «Вадим» М.Ю. Лермонтова, послание А.С. Пушкина «Д.В. Давыдову». Активно образ бунтовщика эксплуатируется и в фольклоре: в предании «Озеро Инышко», песне «Пугачевский клад» и многих других текстах. Однако самым известным произведением, ока-

завшим решающее влияние на все последующие прочтения образа Пугачева, является «Капитанская дочка» А.С. Пушкина. В научной литературе достаточно подробно описаны моменты корреляции, преемственности и расхождения поэмы С. Есенина «Пугачев», эссе М. Цветаевой «Пушкин и Пугачев», романа Шишкова «Емельян Пугачев», повести Д.Н. Мамина-Сибиряка «Охотники брови» с художественным текстом Пушкина. Однако вопрос о репрезентации образа Пугачева в поэзии авангарда Серебряного века на данный момент практически не разработан.

Самым известным отрывком первого манифеста русского авангарда «Пощечина общественному вкусу» является декларативный призыв «Бросить Пушкина, Достоевского, Толстого и проч. и проч. с Парохода современности» [1, с. 99]. Однако общим местом филологии стало высвечивание генетической связи авангарда с предшествующим «классическим» искусством, их внутренней соотнесенности. Собственно, сами авторы скандального манифеста обозначили это в своем тексте: «Кто не забудет своей первой любви, не узнает последней» [1, с. 99]. Таким образом, говоря о рецепции образа Пугачева в произведениях русского авангарда, необходимо выделить как отдельные спорадические элементы, так и концептуальные аспекты совпадения и противопоставления образа Пугачева «Капитанской дочки» Пушкина с этим же образом в текстах авторов начала XX века.

Обратимся к стихотворению Н. Асеева «Предчувствия» (1916 г.), которое представляет собой некое поэтическое пророчество надвигающегося восстания. Путь революционера прочитывается как повторение пугачевского, таким образом, надвигающиеся события однозначно воспринимаются как ретранслирующие события бунта 1773–1775 гг.:

И я по лицам узнаю
и по рубашкам кумачовым –
судьбу грядущую свою,
протопанную Пугачевым [2, с. 35].

Красный цвет сопровождает и Пугачева в «Капитанской дочке» («на нем был красный казачий кафтан» [3, с. 289]), и его сподвижников (Хлопуша «был в красной рубахе» [3, с. 312]). Если детально рассматривать текст Асеева, то становится очевидным, что автор оперирует не историческими сведениями о крестьянском бунте XVIII века, а тем его художественным образом, который сложился благодаря фольклору и литературе, в том числе и «Капитанской дочке» Пушкина.

Произведение написано от лица участника восстания, при этом «я» первой части сменяется «мы» во второй: это рефлексующее сознание, способное на типологическое сопоставление событий и достаточно широкие, хоть и очевидные культурологические обобщения (соотнесение не только с событиями пугачевского бунта и Французской революции, но и мифом об Иуде). Однако важна не столько корреляция деталей и образов, присутствующих как в стихотворении Асеева, так и в тексте Пушкина, сколько тождественность сознания пугачевских сподвижников и героя-революционера в «Предчувствиях». Гринев в «Капитанской дочке» потрясен песней про виселицу, распеваемой «людьми, обреченными виселице» [3, с. 296]. К такому же, как у пугачевцев, прямому взгляду на грядущую революцию стремится и Асеев:

Кто жаждет напиться из лужиц,
тот встретит преграду потока, –
сумейте же будущий ужас
познать во мгновение ока! [2, с. 36]

Гораздо сложнее и многограннее образ Пугачева представлен в творчестве В. Хлебникова. В стихотворении «Люди! Над нашим окном...» имена Пугачева и Платона становятся ориентирами на пути в «завтрашний день» [4, т. II, с. 104]. По мысли Хлебникова, столь разные образы объединены визионерством, он называет их «пророками, певцами и провидцами» [4, т. II, с. 104]. Естественно, не последнюю роль при подобном соотнесении играет звукопись (не случайно автором был отвергнут Маркс, в черновом варианте заменявший Платона), однако и

семантическое, во многом уже мифологическое наполнение данных образов актуализируется Хлебниковым. Платон – автор древнейших утопий «Государство» и «Законы», иную, но не менее ирреальную утопию, вызванную к жизни другим веком и другой культурой, пытается воплотить Пугачев. То, что его государство в государстве с листовками-законами – лишь химера, подчеркивается принятием на себя имени мертвеца – Петра III. Но Хлебников считает, что пророчество Пугачева сбывается в начале XX века и находит свое воплощение в революции. Платона справедливо называют «певцом философских песен», поскольку его «Диалоги» во многом художественное произведение, а не строго философское, при этом парадоксально-закономерно, что сам Платон, как известно, осуждает искусство, поскольку оно уводит от сущности реальности и мешает человеку руководствоваться разумом. Пугачева, предстающего в «Капитанской дочке», можно назвать по меркам эпохи Серебряного века шаманом, способным управлять окружающей его толпой, это восприятие зафиксировано в эссе Цветаевой «Пушкин и Пугачев», когда она пишет о «чарах» вожаго. Он оказывается неизменно близок народному творчеству, будь то калмыцкая сказка об орле и вороне или песня «Не шуми, мати зеленая дубровушка», приведенная Пушкиным в тексте целиком. Пугачев, как известно, и сам становится героем фольклора.

Хлебников неоднократно сопоставляет в своих текстах Пугачева с другими бунтовщиками или революционерами, однако это непредсказуемое соотнесение с Разиным, Радищевым, Болотниковым. Образ Пугачева коррелирует в произведениях Хлебникова, в частности, с деятелями Французской революции. В тексте, посвященном Дантону, в достаточно лаконичных и неочевидных на первый взгляд характеристиках присутствует указание на то, что он являлся современником Пугачева:

Жириды враг,
Жорж-Жак Дантон.
Три Жэ. Два Эн.
Безумец.

Современник Пугачева, тучный и
опухший... [4, т. II, с. 170]

У Хлебникова Дантон и Пугачев выступают как эманации вождя-революционера. В конце стихотворения автором дается универсальная формула, в одинаковой мере приложимая ко всем великим бунтовщикам, неважным при этом оказывается, насколько их образ мифологизирован:

Душа заряда в низложении царя,
Когда могилу рыли для другого
И падали в нее [4, т. II, с. 170].

люционеры» акцентируют собственную преемственность по отношению к пугачевцам:

С нами море!
С нами море!
Трупы валяются.
Море разливанное,
Море – ноздри рваные,
Да разбойничье,
Беспокойничье.
Аж грозой кумачовое,
Море беспокойничье,
Море Пугачева [4, т. IV, с. 93–94].

Художественный образ Хлопуши, созданный Пушкиным в «Капитанской дочке», снабжен комментарием Гриневы: «но век не забуду его» [3, с. 312]. Закономерно, что описание рваных ноздрей каторжника, клейма на его лице, красной рубахи остается надолго в читательском сознании, становясь знаком-символом мятежа, что и реализуется, в частности, также в поэме «Настоящее». В ней автор использует те же детали и образы как готовые знаки:

И будет народ палачом без удержа.
Речи будут его кумачовые.
Живи!
Будут руки его пугачевые
В крови! [4, т. IV, с. 117].

Приведенные отрывки без труда прочтываются и как аллюзии на приводимую ранее цитату из «Капитанской дочки», в которой говорится о беспощадности русского бунта.

В поэме «Дети выдры» единственный раз в текстах Хлебникова Пугачев говорит от первого лица:

Я войско удалцов
Собрал со всех сторон
И нес в страну отцов
Плач смерти, похорон [4, т. V, с. 277].

Прямо связывает пугачевское восстание с революцией 1917 года, с борьбой за свободу Хлебников в прозаических опытах. В тексте «Никто не будет отрицать того...», описывающем основные события 1918 года, мы встречаем следующий отрывок: «И всё это – в дни, когда сумасшедшие грезы шагнули в черту города, когда пахарь и степной всадник дрались из-за мертвого обывателя, и из весеннего устья Волги неся хохот Пугачева, – стало черным высокопоучительным пеплом третьей черной розы. Имя Иисуса Христа, имя Магомета и Будды трепетало в огне, как руно овцы, принесенной мной в жертву 1918 году» [4, т. V, с. 178].

Последний текст, на котором хотелось бы остановиться, – это поэма В. Каменского «Емельян Пугачев». Данное произведение находится в сложных диалогических отношениях с «Капитанской дочкой» Пушкина, в нем иначе

решены все узловые моменты. Взгляд Гриневы – это взгляд дворянина на крестьянский бунт, в поэме Каменского представлены точки зрения сподвижников Пугачева, его самого, рабочих заводов, крестьян, даже предателя, выдавшего руководителя бунта властям. Автор пытается уловить голос народных масс, отразить их взгляд на крестьянскую войну. В тексте постоянно читаются апелляции к революции 1917 года, к ее лозунгам:

За горло помещиков!
За горло заводчиков!
За горло дворянскую дрянь! [7, с. 188].

... Зреет время –
Сон рабочих
Превратится в явь:
Ждать недолго [7, с. 201].

... Бунт рабочих
Враз поможет
Делу пугачей [7, с. 202].

Каменский в тексте последовательно моделирует ситуации, аналогичные сюжету «Капитанской дочки», но при этом отказывается от всего «дворянского», «гриневского». К примеру, эпизод, в котором Пугачев предлагает Гриневу поступить к нему на службу («Послужи мне верой и правдою, и я тебя пожалую и в фельдмаршалы и в князья» [3, с. 297]) в произведении Каменского заменен сценой действительного присвоения чинов предводителем восстания. Казалось бы, автор избыточно акцентирует социальную принадлежность новоявленных военачальников, однако это объясняется необходимостью утверждения того, что «настоящий» Пугачев не нуждался в помощи дворянина Гриневы:

Белобородова, рабочего с Урала,
Награждаем чином
Фельдмаршала-генерала...
... Такого же рабочего Овчинника
За живешь здорово
Поставим в чине как
Фельдмаршала второго... [7, с. 227–228].

В крайне лаконичном у Пушкина описании казни Пугачева тем не менее указывается на то, что он Гриневы узнал «в толпе и кивнул ему головою, которая через минуту, мертвая и окровавленная, показана была народу» [3, с. 338]. В поэме Каменского казнь Пугачева изображена в традициях мученической смерти за народ, которому тот и кланяется, прощаясь:

Ишь, читают, скоты,
Под кресты
Чиновники-воры
Ему приговоры.

А он и не слушает – народу поклоны
Последние шлет [7, с. 265].

Пушкин в «Капитанской дочке» не цитирует тексты пугачевских воззваний: «Иван Кузьмич в присутствии жены прочел нам воззвание Пугачева, писанное каким-нибудь полуграмотным казаком. Разбойник объявлял о своем намерении немедленно идти на нашу крепость; приглашал казаков и солдат в свою шайку, а командиров увещевал не супротивляться, угрожая казнию в противном случае. Воззвание написано было в грубых, но сильных выражениях, и должно было произвести опасное впечатление на умы простых людей» [3, с. 282]. Каменский же приводит художественный вариант пугачевского приказа: в первой части он жалуется «вольностью и свободою» всех крестьян, во второй жалуется им землю, освобождая от налогов и податей, и только в третьей повелевает «ловить, казнить и вешать» дворян и «оных противников нашей власти, // возмутителей империи и разорителей // крестьян» [7, с. 238]. Как видим, никаких компромиссов герой поэмы не предлагает, так как ее автор сам был свидетелем невозможности примирения между столь различными культурами: в гражданскую войну жестокостью отличались и красные, и белые, однако симпатии Каменского однозначно на стороне победивших большевиков.

По-своему решает Каменский в поэме вопрос и о знаменитом заячем тулупчике, ставшем в «Капитанской дочке» символом человечности и благодарности. Так, Пугачева везут на казнь в «тулупе бараньем» [7, с. 263], который становится антонимичным знаком по отношению к пушкинскому. Герой не нуждается в дворянской жалости и дворянской же милости. Кроме того, бараний тулуп обращает самого Пугачева в жертвенного агнца, страдающего за чужие грехи, хотя возможно, что подобное символическое прочтение и не предполагалось самим автором. Таким образом, стремясь под-

черкнуть связь своего Пугачева с народом, Каменский последовательно исключает все связи с помещичьей культурой, показанные Пушкиным в «Капитанской дочке».

Уже в XIX веке образ Пугачева прочно встраивается в архетипические модели не только в фольклорных произведениях, что очевидно, но и в текстах художественной литературы. События, происходившие в России в начале XX века, способствуют тому, что он включается в идеологическую парадигму, призванную показать непрерывность революционного процесса в недрах Российской империи и оправдать ужасы гражданской войны: Разин – Пугачев – Болотников – Радищев – декабристы и далее. И если в стихотворении Асеева речь идет о крестьянах как движущей силе бунта 1773–1775 годов, то в поэме Каменского авторская интенция смещается на образы рабочих. Таким образом, происходит ремифологизация Пугачева, его включение в новый политический и исторический миф.

Список литературы

1. Русский авангард. Манифесты, декларации, программные статьи (1908–1917) / Авт.-сост. И.С. Воробьев. СПб.: Композитор. Санкт-Петербург, 2008. 256 с.
2. Асеев Н.Н. Стихотворения. М.: Советская Россия, 1983. 272 с.
3. Пушкин А.С. Романы, повести, драмы. М.: Художественная литература, 1975. 544 с.
4. Хлебников В. Собрание сочинений. В 6 т. М.: ИМЛИ РАН, 2000–2006.
5. Дуганов Р.В. Велимир Хлебников. Природа творчества. М.: Советский писатель, 1990. 348 с.
6. Шевченко Е.С. Поэтика метаморфозы в драме В. Хлебникова «Маркиза Дзэс»: от слова-оборотня к миру-оборотню // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 11. № 4 (2). 2009. С. 517–522.
7. Каменский В. Стихотворения и поэмы. М.–Л.: Советский писатель, 1966. 500 с.

RECEPTION OF PUGACHEV'S IMAGE IN THE WORKS OF RUSSIAN AVANT-GARDE OF THE EARLY 20TH CENTURY

E. V. Bolnova

We consider the reception of Pugachev's image in the works of Russian avant-garde poets of the early 20th century. The object of the research are poetic texts by N. Aseev, V. Khlebnikov and V. Kamensky's poem. The aim of this work was to identify the peculiarities of the image of Emelyan Pugachev in the literary texts of the early twentieth century. The methodology used for the analysis of specific texts is based on the cultural-historical, structural-typological, comparative and integrated approaches. The study shows that the image of Pugachev since the 19th century was firmly embedded in archetypal patterns not only in the folklore works (which was obvious), but also in the texts of fiction. It is concluded that the events that took place in Russia in the early 20th century contributed to the inclusion of Pugachev's image in the ideological paradigm with the intention to show the continuity of the revolutionary process in the depths of the Russian Empire and to justify the horrors of the civil war.

Keywords: Emelyan Pugachev, «The Captain's Daughter», avant-garde, N. Aseev, V. Khlebnikov, V. Kamensky.

References

1. Russkij avangard. Manifesty, deklaracii, programmnye stat'i (1908–1917) / Avt.-sost. I.S. Vorob'ev. SPb.: Kompozitor. Sankt-Peterburg, 2008. 256 s.
2. Aseev N.N. Stihotvoreniya. M.: Sovetskaya Rossiya, 1983. 272 s.
3. Pushkin A.S. Romany, povesti, dramy. M.: Hudozhestvennaya literatura, 1975. 544 s.
4. Hlebnikov V. Sobranie sochinenij. V 6 t. M.: IMLI RAN, 2000–2006.
5. Duganov R.V. Velimir Hlebnikov. Priroda tvorчества. M.: Sovetskij pisatel', 1990. 348 s.
6. Shevchenko E.S. Poehtika metamorfozy v drame V. Hlebnikova «Markiza Dehzes»: ot slova-oborotnya k miru-oborotnyu // Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. T. 11. № 4 (2). 2009. S. 517–522.
7. Kamenskij V. Stihotvoreniya i poehmy. M.–L.: Sovetskij pisatel', 1966. 500 s.